

Публикуется по: Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740-1742 годов. М. 1862.

Письма ноября 1740

Из Петербурга, 26 ноября 1740 года.

Государь! Происшедшее здесь оправдывает мое мнение, что при насилии меры принудительные не могут принести пользы на долго; что герцог курляндский, давая полную волю своему честолюбию, только быстрее приближается к своей погибели и что он не мог и не может надеяться на осуществление своих ожиданий, как ни благоприятно для него стечение обстоятельств, если только он не сумеет утвердиться на своем месте в продолжении года. Вчера, в два часа утра он был арестован. Болезнь гр. Остермана, которую я приписывал в последней депеше другим причинам, сильно, если я не ошибаюсь, способствовала к лучшему сокрытию тайных мер, которые он принимал, показывая вид, что ни с кем не имеет сообщения. Так он поступал всегда, и верный и смелый прием, которым нанесен удар, может быть только плодом и следствием политики и опытности гр. Остермана. Я полагаю также, что он, чтобы действовать на верное, сообщил свою тайну принцессе Анне только в минуту, когда уже было нужно открыться, и что по той же причине известили о том Миниха только тогда, когда его предприимчивый характер делал его необходимым для выполнения (Де-ла-Шетарди, говоря таким образом, ошибался: Бирон своим падением обязан единственно одному Миниху, без участия Остермана).

Впрочем, есть слух, что принцесса Анна сумела притвориться и решилась назначить гофмейстером своего двора сына фельдмаршала Миниха единственно в видах привлечь и овладеть отцом. Предполагают даже, что последний, желая вступить в министерство, встретил затруднения от герцога курляндского, что и заставило его отступить от него. Говорят наконец, что фельдмаршал, прежде исполнения дела, просил только утверждения принцессы Анны и действовал лишь с ее согласия; но все эти частности, или для придания большей заслуги принцессе Анне, или для оправдания фельдмаршала, истекали от той причины, которую я предполагаю.

Как бы то ни было, гр. Миних пешком, в мундире, в сопровождении своих адъютантов, прибыв в летний дворец, зашел сначала на гауптвахту, где находились войска в карауле, как было это и при покойной царице. Он спросил их, знают ли они его? И получил на то утвердительный ответ. — “Вам известно, прибавил он, как много раз я жертвовал собою за отечество, вы славно следовали за мною. Хотите ли еще раз послужить для блага императора и уничтожить в лице регента вора, изменника и похитителя власти!?” И офицеры, и солдаты оказались готовыми на исполнение его приказаний, и он выбрал из них двадцать человек, чтобы захватить герцога курляндского.

Последний, слышав шум, позвал было караульных, но солдаты отвечали ему, что они-то и есть караульные, назначенные для его обережения, но пришедшие для арестования его. Он хотел сначала сопротивляться и сильно укусил того, который накинул ему на рот платок. Это было только поводом к тому, что с ним стали обходиться еще хуже: ему разорвали рубашку; за неимением веревок, связали офицерскими шарфами, и почти

обнаженного, отвели из дворца на офицерскую гауптвахту при зимнем дворце, где находился царь. — Арестовали также герцогиню курляндскую и ее трех детей, не выводя однако их из летнего дворца.

В то же самое время, арестовали генерала Густава Бирона и кабинет министра Бестужева, которых также отвели на гауптвахту зимнего дворца. Потом послали курьера в Москву арестовать генерала Бирона, который там командует и есть старший брат герцога курляндского.

Около 9 часов утра, по сборе гвардейских полков, принцесса Елизавета, знатные и гр. Остерман, оказавшийся менее хворым, были позваны во дворец, где происходило совещание, продолжавшееся до 5 часов. Вследствие решения, как видно, там принятого, герцога курляндского, несколько ранее трех часов, посадили в дормез (Schlaffwagen), запряженный придворными лошадьми, управляемый полицейским служителем и почтальоном в царской ливрее и предшествуемый адъютантом фельдмаршала Миниха. Впереди и позади кареты размещены были гвардейские солдаты, с примкнутыми к ружьям штыками. На козлах кареты сидели также доктор и два офицера, каждый с двумя заряженными пистолетами. На герцоге курляндском, сверх халата, надет был плащ, подбитый гарностаем, который он носил обыкновенно. Уезжая, он взглянул на окно, где была принцесса Анна и принц брауншвейгский. Шапка, которою была прикрыта его голова и часть лица, подала повод черни к крикам, приправленным ругательствами, чтобы он раскрылся и был видим.

Почти одновременно, другие дормезы взяли в летнем дворце герцогиню курляндскую, ее дочь и принца Карла, младшего сына. По случаю болезни старшего, были принуждены перенести его в дом напротив того, который был занят лицами из герцогского двора; здесь также приставлена стража. Герцогиня, ее дочь и сын отправлены были тем же порядком, как и герцог, в александровский монастырь, в 6 верстах отсюда. Здесь провели они ночь, и отсюда перевезены сегоднешним утром в шлюссельбургскую крепость.

Генерал Бирон, упорно защищавшийся в первые минуты задержания, вывезен, также как и Бестужев, несколько времени спустя. Первый — в дормезе, второй — в простых крестьянских санях. Неизвестно, куда их отправили. Принц гессен-гомбургский сделан подполковником измайловского полка на место генерала Бирона.

Все происшедшее тем более кажется удивительным, что принц брауншвейгский накануне сделал визит герцогу курляндскому и, полчаса спустя, поехал в его карете в герцогский манеж, где и оставался с Бироном до полудня.

Посланники прусский и императорский не скрывают своей радости при этих событиях. Последний в особенности льстит себя надеждою, что эта перемена будет выгодна для его двора. Он тем более считает минуту счастливою, что тронутый выражениями посланника вашего величества при получении известия о смерти императора, он из признательности вовсе не скрыл от меня, что курьер, посланный с нотификациею королевы венгерской, привез ему приказание заранее внушать, что если, против всякого ожидания, прагматическая санкция встретит препятствия, то не сомневаются, что

державы, гарантировавшие ее, исполняют принятые ими на себя обязательства (Известно, что под именем прагматической санкции император Карл VI издал постановление, в силу которого все владения австрийского дома, в случае неимения наследников мужского пола, переходили к старшей дочери Карла VI — Марии Терезии. Для большей прочности этого постановления, император обозначил его гарантией почти всех европейских держав, что однако не помешало возникнуть, тотчас же после смерти этого государя, последовавшей 11/21 октября 1740 г., войне за австрийское наследство).

Сегодня утром, в 5 часов, гвардия собралась около зимнего дворца и возвратилась по квартирам только в четыре часа по полудни. Как при превозглашении герцога курляндского регентом, гвардейцы своим молчанием и сдержанностью выражали печаль и ужас, так теперь радость и удовольствие свое они показывали громкими криками и бросанием вверх шапок. Только-что присяга, согласно указу (о нем я не решился сообщить г. Амело по почте), была произнесена Принцессою Елизаветою и первыми чинами, каждый гвардейский батальон составил кружок и также приведен к присяге под знаменами. В силу этой формальности, принцесса Анна признана великою княгиней и правительницею на время малолетства своего сына. Потом это было возведено народу тремя залпами крепостной артиллерии, чего не было при превозглашении герцога курляндского.

Не бывало примера, чтобы двор был так многочислен и чтобы выражалось такое веселье на всех лицах, как сегодня. Это веселье увеличилось еще более от наград. Принц брауншвейгский сделан генералиссимусом; фельдмаршал Миних первым министром и подполковником конной гвардии на место наследного принца курляндского, графиня Миних первая дамою после принцессы, гр. Остерман, [186] генерал-адмиралом, не покидая впрочем прежних званий, кн. Черкасский, министр кабинета, канцлером, обер-гофмаршал получил пенсию из соляной суммы в 16 т. экю. Роздано множество других наград, менее значительных. Наконец, принцесса Анна пожаловала орден Андрея первозванного обер-шталмейстеру кн. Куракину, вице-адмиралу Головину, Нарышкину и генералу Ушакову; орден Александра Невского — президенту коммерц-коллегии барону Менгдену, племяннику фельдмаршала Миниха, и Стрешневу, сенатору и шурина гр. Остермана 19.

Депеша маркиза де-ла-Шетарди из С. Петербурга 26/15 ноября 1740 года.

Милостивейший государь! рассказывают, что герцог курляндский часто говаривал, что фельдмаршал Миних был только один человек, которого он должен опасаться и который способен нанести ему опасный удар. Припоминают, что или по предчувствию, или от занятий, он всю субботу был погружен в глубокую задумчивость и, ложась спать, чувствовал сильную дрожь. Это опасение кажется трудно объяснить при тех средствах власти, которые были в его руках.

Уверяют также — и в подкрепление тому приводят насилие, с которым приказано засадить в крепость 74 человека, наказать 11 по большей части офицеров кнутом — что

регент ожидал только прибытия своего брата, командовавшего в Москве и генерала Бисмарка, зятя своего, чтобы нанести решительные удары, долженствовавшие окончательно утвердить его владычество; что эти лица должны были получить звание фельдмаршалов в то самое время, когда арестуются фельдмаршал Миних, гр. Остерман, гр. Головкин и несколько других лиц, значительных по своему званию или происхождению. Это должно было произойти во вторник или среду, чтобы лучше отпраздновать в среду день рождения регента. Наконец, открылось его намерение выслать в то же время принца брауншвейгского и принцессу Анну и взять на себя одного попечение о сохранении царя.

Тем менее можно сомневаться о последнем обстоятельстве, что оно было причиною слез, проливаемых принцессою Анною и жалоб, которые передавала она в субботу утром фельдмаршалу Миниху, когда [189] посылала за ним. Она прибавила при этом, что не может долее сносить тирании регента и охотно согласится покинуть Россию, лишь бы только не разлучаться ей с сыном. Миних, удивленный тем, что слышал, сначала выказался недоверчивым. Принцесса повторила ему, что у ней есть доказательства тому, что она говорит. Тогда Миних не колебался более открыться. Он сказал, что если дело зашло так далеко, то благо государства заглушит в нем признательность, которою обязан герцогу; что ей стоит только приказать и объявить о своих намерениях гвардейским офицерам, которых он призовет, и он берет на себя арестование герцога курляндского. Принцесса Анна, одоблив такое усердие, напомнила ему о судьбе собственного семейства, которое мог погубить с собою. Он возразил на это, что не может быть речи о семействе, когда дело идет о службе царю и спокойствии государства. Тогда гибель герцога была решена, и Миних, немедля, покинул принцессу, обедал у Бирона и оставался у него до семи часов вечера, вероятно, чтобы тем лучше прикрыть задуманное предприятие.

Он знал, что герцог, несколько дней пред тем, отдал приказание караулу летнего дворца у тела покойной императрицы стрелять по всякому отряду войск, большому или малому, если он появится от 10 часов вечера до пяти часов утра. В воскресенье, в 2 часа ночи (с 8 на 9 ноября), Миних сел в карету с одним из своих адъютантов. Другой же должен был ехать перед ним в санях и остановиться в пятидесяти шагах от зимнего дворца, чтобы не подать знака прислуге, куда он пойдет (Один адъютант был Манштейн, другой — Кенигсфельд). Выйдя из кареты, Миних отправился к принцессе Анне, сказав адъютантам что он хочет поговорить с сыном, который как гофмейстер принцессы, спал во дворце. Караульный не хотел было впустить фельдмаршала, но этот спросил его, какого он полка, и когда услышал, что преображенского, то сказал, “я освобождаю тебя от исполнения данного тебе приказа.”

Потом он объявил принцессе, что пойдет исполнить ее приказания, если она теперь повторит их. Она это сделала. Миних попросил подтвердить то же в присутствии караульных при царе офицеров. Она согласилась. Тех ввели, и принцесса объявила им свои желания. Все изъявили готовность их исполнить. Она перецеловала их одного за другим, также как и Миниха.

Последний тотчас сошел во двор, велел собрать караул и, взяв из них пятьдесят человек, повел пешком; его карете приказано ехать посреди отряда. На углу летнего дворца караульный окликнул: кто идет? Миних подошел к нему и приказал молчать так как это

принцесса Анна едет к герцогу Бирону. Он велел идти вперед Манштейну, для предупреждения с своей стороны караульных офицеров летнего дворца, чтобы они вышли, потому что он имеет нечто сообщить им. Фельдмаршал нашел уже их на дворе и рассказал им о дурных последствиях намерений герцога курляндского, и о воле принцессы Анны; при чем для большего убеждения их позвал двух караульных офицеров из зимнего дворца. Караул летнего дворца выказал себя также расположенным, как и первый 20. Миних немедленно приказал вывести солдат в оружие. В то же время

Первый оставил записки о России, о которых здесь уже упоминалось несколько раз. Вскоре после арестования Бирона он получил в командование полк и, сверх того, пожалован мызою. Манштейн поместился с отрядом из двадцати человек у покоя герцога и задержал его. Герцогиня курляндская и ее дети были арестованы в то же время, с запрещением выходить из занимаемых ими комнат в летнем дворце.

Как только фельдмаршал, остававшийся с караулом, увидел, что герцога, прикрытого, но неимению платья, солдатскою шинелью, посадили в карету, он отвел отряд в зимний дворец, оставив в карете с пленником офицера и приказав Манштейну арестовать генерала Бирона, а другому своему адъютанту сделать тоже с Бестужевым.

Манштейн не мог опасаться никакого затруднения: для большей верности он поставил десять человек у больших ворот дома генерала Бирона и взошел с другими десятью у малых ворот, выходящих на реку. Они были полураскрыты и на оклик часового Манштейн отвечал, что идет по приказанию фельдмаршала. Караульный не сделал никакой остановки, его однако, также как и другого, который был наверху, схватили, угрожая смертью при малейшем шуме. Манштейн, в сопровождении нескольких солдат, достиг до спальни Бирона, назвал его по имени и сказал, кто он такой. Генерал, ничего не подозревая, схватил его, говоря: “арестую вас по повелению императора.” Манштейн оказал сопротивление, прибавив, что это тем более неуместно, что регент уже под караулом в зимнем дворце. Бирон с трудом поверил услышанному; однако, когда его в том убедили, он просил дать ему время, чтобы одеться, но в этом было отказано, и Манштейн, завернув Бирона в солдатскую шинель, отвез его в своих санях в комнату зимнего дворца,, отдельно от его брата. Бестужева привезли с другой стороны и поместили в третью комнату, чем и было исполнено задуманное предприятие.

Тогда было около 6 часов утра. Фельдмаршал прежде всего отдал принцессе Анне отчет об успехе предприятия, и она послала сказать гр. Остерману, чтобы он явился к ней. Ответ его, над которым после шутила сама принцесса, заставляет думать, что этот министр не принимал никакого участия в замысле. Он сначала извинялся своими болезнями, которые не позволяли ему исполнить волю принцессы, но гр. Миних, в ответ ему на это, велел сказать чрез его шурина, генерала Стрешнева, очевидца тому, что герцог был в караульне, что есть признаки, которые заставят гр. Остермана сделать над собою усилие. Это было тотчас исполнено, и Остерман действительно не замедлил явиться во дворец.

В эти же дни были сделаны повышения между военными и назначены некоторые награды. Нарышкин произведен в действительные тайные советники; барон Миних, брат фельдмаршала, получил в награду 100 т. ливров; Пушкин, кажергер принцессы, сделан кавалером при царе.

Гвардейский семеновский полк сделал поступок, который приносит ему много чести: офицеры и солдаты всем полком пришли умолять принцессу, чтобы она уговорила принца брауншвейгского снова командовать ими и принять звание их подполковника. Ту же просьбу повторили они и самому принцу. Тронутый этими знаками приверженности, последний изъявил согласие на такое ходатайство. Он не поддавался внушениям, которые клонились к тому, чтобы он, если ему угодно, взял в свое распоряжение конюшню герцога курляндского. Принц отказался, говоря, что ничего не хочет иметь из того, что принадлежало герцогу.

Судя по наружности, сомнительно, чтобы дело Бирона и его приверженцев было кончено судебным порядком. Его старший сын, которого нездоровье продолжается по-видимому слишком долго, будет отправлен к своему отцу в Шлюссельбург, но его предварительно лишат орденов: андреевского и польского белого орла. В тот же день такое же распоряжение было сделано относительно его брата и герцога курляндского, который независимо от того сохранил орден Александра неевского. Герцогиня курляндская была лишена ордена св. Екатерины, который ей пожаловала, царица во время празднования заключения мира. Герцог принужден был также отдать все драгоценности, которые имел. Их ценят в 7 или 8 миллионов. Наконец, хотя для приготовления стола им и дали повара и придворного офицера, однако их издержки ограничены 25 ливрами в сутки, что составляет по сту копеек на каждое лицо.

Жена и дети Бестужева также арестованы и отвезены неизвестно куда. И его лишили орденов польского белого орла и Александра неевского.

Генерал Бисмарк, который ехал сюда вследствие полученного приказа, арестован в Нарве и лишен должностей и ордена белого орла. Польский король, курфирст саксонский может в настоящую минуту располагать шестью лентами, если только справедливо, что Кейзерлинг, русский министр в Варшаве, должен быть арестован и судим, подобно другим (Это известие не подтвердилось: Кейзерлинг был только в опале при правительнице, почему на его место сначала было назначили гр. Зольмса, а потом поручили ему остаться в Дрездене вместе с Михаилом Бестужевым-Рюминым).

Дом Бисмарка, ныне занимаемый прусским посланником, отдан Миниху, а дом старшего брата генерала Бирона — сыну фельдмаршала.

Полковник Нейбаур (Neubaur), возвратившийся в Дрезден несколько месяцев тому назад и бывший здесь, чтобы поздравить царицу по случаю мира с Турциею (в апреле 1740 года), прибыл опять в тот самый день, когда арестовывали герцога курляндского (Это тот самый Нейбаур, которого любопытные донесения о русском дворе помещены в первый раз у Германа в его *Geschichte des russischen Staates*. Ср. выше стр. 8).

Кейзерлинг, посланник брауншвейгский, напротив уехал в прошедший четверг вечером в Вольфенбюттель, откуда, как предполагают, скоро воротится.

Комментарии

Примечание.

19. В дополнение этих известий о наградах, вот наивный о том рассказ Миниха-сына:

“Утром весьма рано (после арестования Бирона) приказал отец мой позвать к себе меня, купно с президентом бароном Менгденом, и предложил, чтобы мы кого считаем достойным к пожалованию или к награждению, представили ему, и притом с показанием нашего мнения, чем и как кто наилучше награжден быть может. Мы исполнили сие тут же; после чего приказал он мне взять перо и писать, что он мне говорить станет. Первое было, чтобы ее высочество великая княгиня и регентша благоволила возложить на себя орден св. Андрея и второе генерал-фельдмаршала гр. Миниха за оказанную им услугу пожаловать в генералиссимы. Окончив сие, представил я ему, что хотя он по всем правам и заслугам сего требовать может, однако я думаю, что статься может принц брауншвейгский для себя оное готовит, почему и нужно бы было пристойным образом о сем у него разведать; в каковом случае [187] советовал я отцу моему испросить себе титул первого министра. На сие он согласился и, оставя прежде упомянутое достоинство, избрал для себя последнее. После сего спросил он меня и барона Менгдена, как же может гр. Остерман над собою терпеть первого министра? Мы отвечали, что надлежало бы и ему назначить достоинство, которое с высшим чином сопряжено, нежели каковой он по сие время имел. Отец мой вещал, что он вспомнил как гр. Остерман в 1732 г., работая над новым положением для флота, намекал, что он охотно желал бы быть великим адмиралом. Да кто же будет великим канцлером, спросил я? Видя, что на сие отец мой ничего не отвечает, сказал я, что хотя кн. Черкасский за свои поступки больше наказания, нежели награждения заслуживает, однако я думаю, что в начале нового правления милосердием и великодушием скорее утвердиться можно, нежели чрез меру строгим исследованием и наказанием уличенных преступников; что в сходствие того ее высочество великая княгиня не может убедительнейшего предъявить довода своего великодушие, как если упомянутого князя Черкасского на вакантное Великого канцлера достоинство возвысит. Наконец, дабы знатнейшие достоинства оставались в руках паче у природных россиян, нежели у иностранцев, то еще предложил я графа Михаила Головкина в вице-канцлеры. Когда потом, как упомянутые, так и другие к повышению и награждению следующие особы росписаны, то приказал мне отец мой списать с того росписания копию, съездить во дворец и поднести оное принцессе на утверждение. По прошествии нескольких часов, приехал он и сам и получил ее согласие на все изображенные в росписании статьи (Записки гр. Миниха, Моск., 1817 г., стр. 207 — 210)”.

20. Из этого описания де-ла-Шетарди, сделанного неделю спустя после события и подтверждающегося почти дословно записками Миниха сына и Манштейна, писавших гораздо после, видно, что фельдмаршал Миних вовсе не скрывал о цели арестования Бирона для чего нарочно приводил к правительнице двух караульных офицеров, и в присутствии их, объявил потом о своем намерении караулу при летнем дворце, где тогда находился Бирон. Между тем, по восшествии на престол Елизаветы Миниха обвинили в обмане караульных, которых будто бы он уверял, что арестует Бирона, защищая Елизавету и ее племянника, герцога голштинского (Полн. собрание законов т. XI, № 8506).

Вот, как изложено это обвинение в экстракте о винах Миниха: “бывшие при арестовании Бирона на карауле гренадеры объявили, что пришел-де оный фельдмаршал к караулу, говорил им: “хотите ли [195] де вы государю служить — ведаете, что регент есть, от

которого государыне цесаревне, племяннику ее, принцу Иоанну и родителем его есть утеснение и надобно-де его взять”; и спрашивал их: “ружье у вас заряжено-ль?” начто они отвечали: “готовы государю с радостью служить.” И пошли, и взяли; а потом уже они, видя, что на другой день дело не туда пошло, руки опустили. И того ради оному Миниху представлены тех гренадеров девять человек, которые ныне в лейб-компании ее императорского величества и сказали, что-де он, граф Миних, им, тогда бывшим на карауле, именно пред фрунтом о государыне императрице Елизавет Петровне и принце голштинском говорил. Начто он, граф Миних отвечивал, что он таких речей, как они объявляют, и как выше показано, не говаривал. И в том обе стороны на очной ставке на своих словах сначала утверждались; но потом, когда от них, лейб-компании прапорщика, вахмистров и рядовых, он, граф Миних, в том уличен стал, то он признался, говоря, что понеже он слабую имеет память, яко же для того и об отставке от службы просил, то такие слова, как они показывают о государыне императрице Елизавет Петровне и о принце голштинском он тогда, как ныне припоминает, говорил, и что в том за своим беспамятством прежде не признался, в том признавает себя винна и просит о милосердии, а те слова без сумнения говорил для того, чтоб тогда тех гренадер во исполнение воли принцессы Анны тем больше анкуражировать.”

“Что касается до Миниха, замечает Манштейн (*Memories sur la Russhe*, II, p. 188), то приняли предосторожность брать свидетелями против него солдат, бывших при арестовании Бирона, и остерегались очень спрашивать караульных офицеров и его [196] первого адъютанта. Граф, увидя, каким образом действуют, сказал генерал-прокурору (кн. Никите Трубецкому) писать самому ответы, которые от него желают иметь. На этом его поймали, и так-то составилась обвинительный против Миниха акт.” 2 января 1741 г.. следовательно во время допросов Миниха, английский резидент Финч писал: “ один из солдат, произведенных в поручики, утверждал, что фельдмаршал Миних сказал ему во время ночного нападения на Бирона, что дело идет о возведении на престол Елизаветы. Миних отрицал всякой намек в таком смысле, и когда им была дана очная ставка, то поручик изъявил готовность быть наказанным кнутом с условием, что если он удержится при прежнем показании, то чтобы в свою очередь старый фельдмаршал был подвергнут той же пытке. Чтобы не подвергаться такому унижительному наказанию Миних подтвердил все, чего только от него хотели”... (*La Cour de la Russie il y a cent ans*, Berlin 1858, p.p.92, 93).